

ДРОНГО
НАЧИНАЕТ
И ВЫИГРЫВАЕТ

*Все было продумано до
мелочей. Кроме одной —
обычной случайности.
Случайно в самолете
оказался лучший сыщик
мира.*

Чингиз Абдуллаев

Смерть над
Атлантикой

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Окончательный диагноз

«PEN-клуб»

2002

Абдуллаев Ч. А.

Окончательный диагноз / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2002 — (Дронго)

Смерть одного из значительнейших ученых и политиков России выглядела, как минимум, нелепой. В самом деле, – кому понадобилось застрелить человека чья кристальная честность считалась поистине легендарной? Более того, – как убийце удалось проскользнуть незамеченным в один из самых элитных самых охраняемых дачных поселков Подмосковья?..

© Абдуллаев Ч. А., 2002

© PEN-клуб, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Чингиз Акифович Абдуллаев

Окончательный диагноз

Анализ есть нравственное трупорассечение: он действует не иначе, как разрушая.

Пьер Буаст

Глава 1

Они играли в шахматы. В их паре уже много лет во всем, что касалось работы, ведущим был Дронго. Именно за ним приоритет признавали не только его ближайший друг и теперешний напарник Эдгар Вейдеманис, но и все остальные друзья и знакомые, с которыми ему приходилось общаться. Однако, несмотря на аналитический склад ума и умение распутывать самые хитроумные преступления, Дронго довольно часто и до обидного глупо проигрывал другу. Правда, сражался он до последнего, но, как правило, уступал более терпеливому и расчетливому Вейдеманису. Проиграв в очередной раз, Дронго усмехнулся:

– Очевидно, у меня отсутствует рациональное мышление.

– Нет, – возразил великодушный Эдгар, – у тебя просто не шахматный склад ума. Каждый основывается на своих особенностях. Ты умеешь распутывать преступления, а кто-то другой играет лучше тебя в шахматы. По-моему, все правильно, иначе вместо Эркюля Пуаро и Шерлока Холмса лучшими сыщиками были бы Ласкер и Стейниц.

– Ты меня не успокаивай, – возразил Дронго, поднимаясь из-за стола, – между прочим, я дважды играл с самим чемпионом мира по шахматам. И вообще мы земляки с Гарри Каспаровым.

– Ты с ним играл? – удивился Вейдеманис. – Почему ты никогда мне об этом не рассказывал?

– Именно поэтому и не рассказывал. Однажды меня пригласили во Дворец пионеров играть за сборную школы. А там был маленький мальчик, младше меня на несколько лет. И он так быстро меня обыграл, что я тихо попросил его сыграть еще одну партию. Мальчик согласился и снова выиграл. Вот так я дважды проиграл самому Каспарову. И с тех пор играю гораздо хуже его.

Вейдеманис улыбнулся. Он вообще редко улыбался и не отличался многословием. Высшей похвалой со стороны Эдгара было негромкое покашливание, которое могло означать как одобрение, так и неодобрение, в зависимости от тембра звука и частоты его «кхе-кхе». Вот и сейчас он улыбнулся, но промолчал. Оба не могли и предположить, что уже через минуту начнут разворачиваться события, которые заставят Дронго изменить планы и заняться расследованием двух убийств, которые вскоре выльются в один из самых громких скандалов за все время его расследований.

Дронго взглянул на шахматную доску еще раз. Спасения не было, Вейдеманис обыграл его по всем позициям. И никакая защита уже не могла помочь. Он отвел глаза, разочарованно вздохнув, и в этот момент его внимание привлек телевизионный ведущий. Затем на экране появилась фотография бывшего вице-премьера правительства, академика, доктора наук, лауреата множества премий. Диктор перечислял его звания и заслуги. Дронго увеличил громкость. Ведущий объявил о смерти вице-премьера, не уточнив, как именно это произошло. Дронго и Вейдеманис переглянулись. Погибшему было пятьдесят восемь лет, и он не был похож на больного человека. К тому же в сообщении ничего не говорилось о его болезни. Диктор перешел к другим новостям. Дронго приглушил звук и мрачно взглянул на друга.

– Странно, – произнес он, задумчиво глядя на экран телевизора, – когда о смерти говорят подобным образом, это всегда кажется странным. Как он умер? Погиб в автомобильной катастрофе? Упал с балкона? Отравился консервами? О таких вещах нужно сообщать более точные сведения, чтобы не порождать слухи. Тем более когда умирает такой известный человек.

– Наверное, погиб в автомобильной аварии, – предположил Эдгар. – Может быть, об этой аварии они не хотят рассказывать. Иногда такое случается. Может, он сидел за рулем и сам виноват в случившемся.

– В таком случае они бы сказали, что он погиб в автомобильной катастрофе, – возразил Дронго. – Сейчас журналисты любят обрушивать на слушателей подобные новости, поэтому никогда бы не упустили случая рассказать об этом более подробно. Сейчас мы переключимся на другой канал и послушаем, что там скажут о смерти бывшего вице-премьера.

– Посмотрим, – проворчал Вейдеманис. Дронго нажал на кнопку пульта. Минут через сорок началась программа новостей на другом канале. И уже в начале программы ведущий сообщил о гибели бывшего вице-премьера. Перечислялись его научные заслуги и звания, но снова ничего не было сказано об обстоятельствах смерти. Дронго взглянул на Эдгара.

– Идентичный текст, – пробормотал Вейдеманис, – словно под копирку. Сообщение о смерти передавалось из одного центра. Там не было журналистов...

– Или их не пустили, – предположил Дронго. – Интересно, где он погиб?

И словно в ответ на его вопрос раздался звонок в дверь. Они посмотрели друг на друга. В элитном доме, где находилась квартира Дронго, была собственная охрана. Но никто из охранников не позвонил, чтобы предупредить Дронго, что к нему идет гость. А если этот человек сумел пройти мимо охранников, то это говорило о его необычном статусе. К тому же гость, видимо, знал, что хозяин квартиры дома. Пройдя в кабинет, Дронго включил камеру наружного наблюдения. За дверью стоял его старый знакомый. Дронго пожал плечами, невесело усмехнулся и пошел открывать дверь.

– Пришел наш знакомый, – сказал он Вейдеманису. – Можешь посмотреть кто. Думаю, ты его сразу узнаешь.

Эдгар пошел в кабинет и, едва взглянув на монитор, сразу узнал гостя. Дронго открыл дверь. На пороге стоял генерал Потапов, бывший заместитель руководителя Федеральной службы безопасности.

– Добрый вечер, Леонид Александрович, – приветствовал его Дронго с такими интонациями, словно давно ждал именно этого гостя, – а я уже думал, что больше никогда вас не увижу.

– Именно такими словами вы должны были меня встретить, – недовольно пробормотал гость.

– Входите. – Дронго пропустил генерала в квартиру. – Судя по тому, как вы спокойно прошли охрану, ваше место работы по-прежнему вызывает уважение у наших дежурных.

– Мне всегда было трудно с вами разговаривать, – негромко парировал Потапов.

Это был человек невысокого роста, лысоватый, с бледными, выпуклыми глазами на бесцветном лице. Он всегда был одет в строгие темные костюмы и носил круглые очки, придававшие его лицу несколько удивленное выражение. Войдя в квартиру, гость повесил плащ и направился в кабинет. Увидев выходящего из него Вейдеманиса, он понимающе кивнул:

– Почти вся команда в сборе. Не хватает только вашего друга Кружкова.

– Вы пришли, чтобы предложить нам сыграть товарищеский матч в мини-футбол со сборной ветеранов ФСБ? – поинтересовался Дронго у своего гостя.

Потапов от комментариев воздержался. Войдя в кабинет, он уселся на диван. Дронго и Вейдеманис вошли следом.

– Что за манеры? – проворчал Потапов. – Почему каждый раз вы встречаете меня столь нелюбезно?

– Дело в том, что общение с вами не доставляет мне особого удовольствия, – ответил Дронго. – Как правило, вы появляетесь в самые неудобные моменты и просите о самых неприятных вещах. Однажды вы даже посулили мне миллион долларов, если я вам помогу. Денег мне, конечно, не заплатили, но разрешили уйти живым, а это для вас было в высшей степени благородно. И вообще мне не нравится иметь дело с вашей организацией. В последнее время в вашем ведомстве появилось слишком много случайных людей. А это сказывается на уровне профессионализма.

Потапов поморщился. Он потянул носом воздух и неожиданно сказал:

– Тоже мне профессионал. Весь мир знает, что вы пользуетесь парфюмом «Фаренгейт». У вас уже в подъезде стоит этот запах. Давно могли бы его поменять.

– А я не работаю в службе наблюдения, – напомнил Дронго, – и мне не мешает мой любимый запах. Если вас так раздражает «Фаренгейт», можете покинуть мою квартиру.

– Ну хватит, – прервал его Потапов, – мы уже обменялись любезностями, давайте поговорим. У меня к вам важное дело.

– Давайте, – согласился Дронго, – только сначала удовлетворите мое любопытство. Где вы сейчас работаете? Ведь вы ушли из ФСБ несколько месяцев назад. Или успели вернуться?

– Нет, не успел, – мрачно ответил Потапов. – Вы прекрасно знаете, что я не ушел, а «меня ушли». И я тогда не думал, что мне снова придется заниматься подобными вопросами и вообще встречаться с вами. Но время поменялось. К власти в стране пришел другой президент...

– Бывший ваш коллега, а с ним пришли и другие времена, – перебил гостя Дронго.

– Может быть, – согласился Потапов, – но мой опыт оказался нужен. Меня пригласили на работу заместителем руководителя службы охраны президента. И сейчас я работаю в этой должности.

– Поздравляю, – сказал Дронго, – вот уж действительно талант всегда найдет себе дорогу. Такие кадры никогда не остаются невостребованными. Их всегда можно использовать. На любой работе и в любое время.

– Да, – согласился Потапов, – и я не понимаю вашей насмешки. Я приехал к вам по очень важному делу. Нам нужна ваша помощь.

– Это я уже догадался. Иначе вы вряд ли появились бы здесь, чтобы «понюхать» «Фаренгейт». Тем более что он вас так раздражает.

– Этого я не говорил, – улыбнулся Потапов.

– Уже неплохо. Что входит в сферу вашей компетенции?

– Охрана объектов в Москве и Московской области. Барвиха, Жуковка, Горки, в общем, все наши объекты. Я приехал к вам по очень важному делу, – повторил генерал.

– Что случилось?

– Убийство. Убили очень известного человека. Вчера вечером на его даче в Жуковке. К сожалению, весть об этом распространилась очень быстро, и нам пришлось сегодня официально объявить о смерти...

– Бывшего вице-премьера академика Глушкова... – закончил за собеседника Дронго.

Потапов машинально дотронулся до виска. Поправил очки.

– Откуда вы знаете, что его убили? – тихо спросил он.

– По всем каналам уже целый час говорят о внезапной кончине Федора Григорьевича Глушкова, – пояснил Дронго. – Я вспомнил, что он жил именно в Жуковке. Кроме того, вы не приехали бы ко мне так неожиданно. Значит, все совпадает. Ни один канал не сообщил, как и почему погиб бывший вице-премьер. Может, вы удовлетворите наше любопытство?

Потапов посмотрел на Вейдеманиса. Он хорошо знал, что Эдгар был бывшим офицером Первого главного управления КГБ СССР. И поэтому, чуть замешкавшись, произнес:

– Его застрелили. Почти в упор. Из пистолета. Убийца сделал один выстрел. В сердце. Самое интересное, что выстрела никто не слышал. Ни соседи, ни наши охранники. Никто. В

общем, Глушкова убили. Нашли на втором этаже, в кабинете. А пистолет не нашли, исчез. Наши эксперты установили, что выстрел был сделан из пистолета системы Бернарделли, модель «П-18 компакт».

– Бернарделли? – удивился Дронго. – Очень редкая модель. И дорогая, насколько я знаю. Владельца этого пистолета нетрудно установить. У этих пистолетов интересное двухрядное расположение патронов. Последние модели стоят несколько тысяч долларов. Вы выяснили, кому принадлежал этот пистолет?

– Он не проходит по нашей картотеке.

– Странно, – нахмурился Дронго. – Такой пистолет – большая редкость. И насколько я знаю, их почти нет в стране. Может, он был у Глушкова? Мог ему кто-нибудь его подарить?

– У него не было такого пистолета. Во всяком случае, никто его не видел. Ни супруга, ни сын. Но у нас другие подозрения. Из дома пропала очень ценная коллекция старинных монет. Это мы успели установить.

– Убийство с целью ограбления? – не поверил Дронго. – Бандиты не побоялись появиться в охраняемом поселке и залезть в дом бывшего вице-премьера? И вы хотите, чтобы я поверил в такую чушь?

– Я сам не верю, – признался Потапов, – но пистолет мы не нашли. И коллекцию тоже не нашли. По нашим данным, она была уникальной, там были редчайшие монеты. Тысяч на триста-четырееста. Долларов, конечно.

– Поразительно, – пробормотал Дронго. – Вы опросили соседей?

– Конечно, – в голосе генерала послышалось недовольство. – Рядом с домом Глушкова находятся еще три дома. В одном живет вице-президент Академии наук, в другом – руководитель таможенной службы страны, а в третьем – заместитель министра иностранных дел. Как вы понимаете, мы не могли устраивать у них обыски. Все трое – люди слишком известные, чтобы мы их подозревали. Хотя с каждым из них мы побеседовали. И с членами их семей тоже. В этот вечер на даче находилось не так много людей. У замминистра иностранных дел жена в больнице, поэтому он был на даче с сыном. Академик ужинал с женой и дочерью. Наш главный таможенник гулял по дачному участку со своей супругой. Больше никого не было. Никто из них ничего не слышал. Тем не менее Глушков убит, коллекция монет пропала, оружие не найдено. Охранники уверяют, что никто из чужих на даче не появлялся. Но в самом комплексе около восьмидесяти домов. Мы же не можем подозревать всех, тем более что среди жителей поселка около пятнадцати федеральных министров и приравненных к ним лиц, а также человек двадцать заместителей министров. В общем, ситуация дурацкая. К тому же сегодня пятница. В понедельник вечером в Москву возвращается президент. Похороны Глушкова назначены тоже на понедельник. Если до этого времени мы не найдем убийцу, то все руководство службы охраны будет искать себе новое место работы. И я в том числе.

Дронго внимательно слушал собеседника. Когда Потапов закончил рассказ, Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот молчал, как всегда, ничем не выражая своего отношения к сказанному. Решать должен был сам Дронго.

– У него большая семья? – мрачно поинтересовался Дронго.

– Жена, сын, дочь, внуки. Мы разговаривали и с ними. Подняли на ноги всю нашу службу. Уже успели переговорить с его заместителями в институте. Никаких зацепок. Погибшего обнаружил водитель. Он приехал утром за Федором Григорьевичем и ждал его около часа. Это удивило водителя, он вошел в дом и обнаружил, что академик убит. Сразу вызвали наших сотрудников, бригаду «Скорой помощи», работников прокуратуры. Водитель сейчас находится в ФСБ, но у него полное алиби. Всю ночь он был дома, с семьей. И утром, как всегда, приехал за Глушковым. К тому времени академик был мертв уже несколько часов. Тем не менее водителя задержали, чтобы допросить. Хотя ясно, что он здесь ни при чем. Он приехал в Жуковку

только в половине девятого и никак не мог убить академика. И ничего спрятать или украсть тоже не мог.

– Почему? – спросил Дронго.

– Он вошел в дом не один, – пояснил Потапов. – Видимо, насторожило, что Глушков не отвечает на его звонки. Покойный вообще отличался пунктуальностью и никогда никуда не опаздывал. Поэтому водитель позвал одного из охранников, и они вместе разбили стекло на первом этаже, чтобы проникнуть в дом. Но главное: дверь не была заперта изнутри. Ее просто захлопнули. Глушков же обычно всегда закрывал дверь на замок, – Потапов нахмурился. – Водителя забрали в ФСБ, но это не тот след, который им что-нибудь даст. Когда водитель въезжал в ворота дачи, Глушкова уже не было в живых. В понедельник будут похороны, – еще раз напомнил генерал. – Мы просто обязаны разобраться и понять, как это случилось, кто стрелял в Глушкова, кто взял монеты. Словом, раскрыть это преступление.

Дронго поднялся, подошел к книжной полке, посмотрел на стоящие книги. Затем, словно вспомнив о чем-то, вышел в большой холл, где стояли книжные шкафы. Потапов недоуменно взглянул на Вейдеманиса. Через минуту Дронго вернулся в кабинет. В руках у него была книга с публикациями известных ученых, выпущенная в конце восьмидесятих годов. Среди авторов значился и академик Глушков.

– Интересный был человек, – задумчиво заметил Дронго, усаживаясь в кресло. – А почему вы не доверяете своей бывшей службе? Ведь следователи ФСБ уже наверняка ведут расследование.

– И прокуратура тоже, – подтвердил Потапов. Он немного помолчал. – Я думал, вы меня поймете. Если выяснится, что на охраняемый объект проникли чужие люди... Тогда во всем обвинят именно нашу службу. Мне не стоит вам говорить, что между спецслужбами всегда существовало негласное соперничество. В ФСБ были бы рады вернуть в свою структуру нашу службу охраны, и они сделают все, чтобы доказать некомпетентность нашей службы. Что касается прокуратуры, то в последние годы она была дубинкой в руках администрации президента. И там тоже множество людей, которые с удовольствием поменяют весь руководящий состав службы охраны, посадив в наши кресла своих ставленников. Можно сказать, что здесь идет крупная игра, и нас постараются сделать козлами отпущения.

– Вы хотите сказать, что преступление могло быть подстроено, чтобы обвинить именно вашу службу? – уточнил Вейдеманис, заметив молчание Дронго.

– Да, – кивнул Потапов, не глядя на Эдгара. Он ждал ответа Дронго.

– За два дня, – вздохнул Дронго. – Почему у вас всегда такие невероятные сроки, генерал? Неужели вы всерьез полагаете, что я могу справиться за двое суток?

– Хотите, чтобы я сказал правду? – спросил Потапов. – Да, я так считаю. Более того, я в этом уверен. Единственный человек, который может нам помочь, – это вы. Если в понедельник мы не предъявим президенту реальные факты, можно быть уверенным, что нашу службу расформируют и передадут в подчинение ФСБ. Я знаю, как вы умеете работать, Дронго. Мне часто кажется, что в ваших рассуждениях есть нечто мистическое, словно вы умеете читать чужие мысли. И вы правильно заметили, что раньше я работал в ФСБ. Я вам никогда раньше не говорил об одном факте, очень интересном для вас. Наши аналитические службы однажды подсчитали ваш интеллект. Он зашкаливает за сто восемьдесят единиц. Поэтому – сами понимаете – вы единственный эксперт, который может нам помочь.

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Тот, пожав плечами, кивнул в знак согласия.

– Между прочим, не такой уж большой интеллект, – вдруг заметил Дронго. – В шахматы я все время проигрываю Эдгару. Может, вам лучше его пригласить? Или Гарри Каспарова?

Потапов недоуменно взглянул на Вейдеманиса. Тот невозмутимо покашлял, ничем не выражая своего отношения к происходящему.

– Я не понял, – признался генерал, – вы согласны или нет? Мы готовы заплатить вам гонорар в разумных пределах, лишь бы вы согласились.

– Мне нужны все материалы, которые у вас есть, – Дронго перешел на деловой тон, – доступ в Жуковку, возможность беседы с членами семьи погибшего и с соседями. Вы можете представить меня как сотрудника вашей службы. И, разумеется, дать свой автомобиль, чтобы я не появлялся в поселке со своим водителем и на своей машине.

– Ну конечно, мы все сделаем. Что-нибудь еще?

– Только одна личная просьба, – сказал Дронго. – Если я сумею что-нибудь сделать, вы купите себе «Фаренгейт». И публично признаетесь, что это лучший запах на свете. Договорились?

Потапов кивнул и неожиданно улыбнулся.

– Согласен, – сказал он, – вылью на себя два флакона.

Глава 2

Часы показывали половину десятого вечера, когда машины въехали в поселок. Дежуривший охранник узнал автомобиль Потапова. Едва машина показалась у ворот, охранник сообщил о приезде генерала дежурившим офицерам. И пока автомобиль доехал до небольшого двухэтажного дома в глубине поселка, сотрудники службы охраны уже были готовы встретить Потапова и его спутников у дома. Дронго взял с собой Вейдеманиса, наблюдательность которого часто помогала ему в подобных ситуациях.

Двое офицеров службы охраны мрачно наблюдали, как Дронго выходит из машины. Один был среднего роста, широкоплечий, с глубоко запавшими глазами и короткой стрижкой. Второй был высокого роста, крупнее и массивнее коллеги, с характерным азиатским разрезом глаз. Сотрудников прокуратуры и ФСБ у дома уже не было, они покинули его днем, отправив тело погибшего в морг на вскрытие. Позднее тело должны были перевезти в другое место для проведения траурной церемонии.

– Николай Числов, – представил первого офицера Потапов, – а это Шариф Гумаров, руководитель отдела. Знакомьтесь. Тот самый известный Дронго, о котором мы говорили. А это его напарник Эдгар Вейдеманис.

В рукопожатиях не было необходимости. Все просто кивнули друг другу в знак приветствия и пошли в дом.

В местах, где совершаются преступления, всегда особая энергетика. В этом Дронго убеждался много раз. Войдя в дом, он подивился царившей здесь странной тишине.

– Кто-нибудь остался в доме? – тихо спросил Дронго.

– Да, – кивнул Числов, – жена и сын покойного, на втором этаже. Мы попросили их все проверить, чтобы убедиться в сохранности остальных вещей.

– Вскрытие уже было? – задал еще один вопрос Дронго.

Числов взглянул на Гумарова. Тот молча кивнул. Очевидно, он не отличался разговорчивостью и предпочитал, чтобы об известных фактах рассказывал его сотрудник.

– Вскрытие уже провели, – подтвердил Числов. – Патологоанатомы констатировали смерть от выстрела, сделанного почти в упор. На рубашке погибшего и вокруг раны сохранился четкий пороховой след. Есть также пороховые ожоги, которые возникают при выстрелах с очень близкого расстояния.

– Вот так, – заинтересовался Дронго. – Вы об этом не говорили, Леонид Александрович.

– Вы все равно бы об этом узнали, – негромко ответил Потапов. – Я считал, что будет лучше, если вы сами, приехав сюда, все увидите собственными глазами.

– Пороховые ожоги от выстрела в упор... – нахмурился Дронго. – Вы можете показать, куда был произведен выстрел? – обратился он к Числову.

Тот посмотрел на Потапова и Гумарова и, не увидев в их глазах возражения, правой рукой показал на область сердца.

– Вот сюда, – сказал он, – прямо в сердце. Или чуть ниже.

– Может, он сам застрелился? – предположил Дронго. – Такой вариант возможен?

– Где же тогда пистолет? – возразил Потапов. – Куда он делся? И почему пропала коллекция монет? Кроме того, самоубийцы обычно оставляют записки с объяснениями причин своего поступка. Вы думаете, что Глушков, решив застрелиться, не оставил бы подобной записки?

Дронго, никак не прокомментировав его вопросы, вошел в небольшой холл и огляделся по сторонам. Дом был небольшой, всего несколько комнат – две на первом этаже плюс кухня и три на втором. Кабинет хозяина и две небольшие спальни – Глушкова и его супруги – находились наверху. На первом этаже к кухне примыкала столовая, а с правой стороны располагалась гостиная.

Из гостиной вышел молодой человек в темно-сером джемпере и синих брюках. Дронго вспомнил фотографию бывшего вице-премьера, которую показывали по телевизору. Молодой человек был удивительно похож на отца. Такое же круглое лицо, густые брови, очки.

– Сын академика Глушкова Олег, – представил его Потапов, – а это наш эксперт, – указал он на Дронго, но не назвал его имени.

Дронго кивнул.

– Садитесь, – пригласил гостей Олег, указывая на диван и стулья, стоящие вокруг стола. Сам он сел в кресло и тяжело вздохнул. – Все произошло так неожиданно, так страшно. Мы осмотрели все комнаты. Но, кроме коллекции монет, ничего больше не пропало. Так, во всяком случае, считает и Вероника Андреевна.

Дронго, нахмурившись, посмотрел на Потапова. Кажется, генерал не сообщил ему какие-то нужные сведения. Почему сын называет свою мать по имени-отчеству.

– Где она сейчас? – поинтересовался Потапов.

– В своей спальне, – ответил Олег. – Я уже собирался уезжать, но ваши сотрудники попросили меня задержаться.

– Вы хотели уехать? – уточнил Дронго. – А ваша мать собиралась остаться на даче?

Олег нахмурился. Он хотел что-то сказать, но в этот момент раздались шаги – по лестнице спускалась вдова Глушкова. Мужчины поднялись со своих мест. В гостиную вошла высокая женщина. На вид ей было лет сорок пять. Светлые пышные волосы, четко очерченные скулы. Темное длинное платье. Дронго обратил внимание на разрез ее несколько вытянутых глаз и тонкие крылья носа. Очевидно, женщина уже побывала в руках косметологов и под ножом хирургов. Достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять, почему Олег называл супругу своего отца по имени-отчеству. Она не могла быть его матерью по возрасту.

Поздоровавшись кивком головы со всеми, Вероника Андреевна прошла к столу и, подвинув стул, села несколько в стороне от пасынка. Дронго обратил внимание, что она не смотрит в сторону Олега.

– Извините нас за столь поздний визит, – обратился к хозяйке Потапов, – но приехал наш эксперт господин Дронго, он хотел бы с вами побеседовать.

– Конечно, – кивнула женщина.

Было заметно, что она нервничает, но старается держаться внешне спокойно. Олег нервничал больше. Время от времени его лицо подергивалось от нервного тика.

– Вы все осмотрели в доме? – спросил Потапов. – Кроме коллекции монет, ничего не пропало?

– Ничего, во всяком случае, я ничего не обнаружила. Олег осмотрел кабинет отца. Там тоже ничего не пропало.

У нее было слегка припухшее лицо, покрасневшие веки, однако ничто больше не выдавало в ней вдову, внезапно потерявшую супруга. Олег выглядел гораздо более подавленным.

– Вы извините, что мы беспокоим вас в такой момент, – сказал Дронго, – но я хотел задать вам несколько вопросов.

– Спрашивайте, что хотите, – равнодушно произнесла она, – мне уже все равно. Ваши прокуроры допрашивали меня целых три часа. А потом еще опрашивали соседей. Непонятно зачем. Что могут знать соседи о том, что случилось в нашем доме? Вокруг деревьев и кустарники, соседние дома даже днем почти не видны.

Протянув руку, Вероника Андреевна взяла со стола пачку «Кэмел» и достала сигарету. Олег даже не пошевелился, чтобы протянуть ей зажигалку, которая лежала на стоящей рядом с ним тумбочке. Вместо него свою зажигалку достал Числов. Хозяйка дома, прикурив, благодарно кивнула.

– Вчера вечером Федор Григорьевич был один? – спросил Дронго.

– Да, – вздохнула она, – обычно его привозил водитель, но иногда он приезжал сюда сам. Ему вообще нравилось самому водить машину, он говорил, что это его успокаивает. Вчера он приехал часов в восемь вечера. Я осталась в нашей городской квартире. Он позвонил мне через час, и мы о чем-то поговорили. Я сейчас даже не могу вспомнить, о чем именно. А потом я словно что-то почувствовала. Начала ему звонить, но его мобильный телефон был отключен, а городской не отвечал. Честно говоря, я подумала, что он вышел погулять. Он часто гулял по ночам вокруг дома. Ему вообще здесь нравилось. В одиннадцать я снова позвонила. И опять никто не ответил.

Она тяжело вздохнула и выпустила эффектную струю дыма. Дронго подумал, что лет двадцать назад она, наверное, была очень красивой женщиной. Хотя и сейчас могла нравиться мужчинам. У нее были полные, чувственные губы.

– Всю ночь я плохо спала, – продолжала Вероника Андреевна, – а утром мне позвонили и сообщили...

Она с силой потушила сигарету в пепельнице. Голос у нее дрогнул, глаза увлажнились. Она отвернулась. Дронго посмотрел на Олега. Тот сидел мрачный и никак не реагировал на слова мачехи. В отношении сына к мачехе было заметно некоторое напряжение, какое обычно бывает у взрослых детей, не одобряющих родительский выбор.

– Наш водитель Илюша обнаружил его убитым, – у нее снова дрогнул голос, – он мне позвонил, и я сразу приехала. Вызвала второго водителя и приехала. Примерно минут через тридцать-сорок. К этому времени здесь уже было много людей. Из милиции, из прокуратуры, врачи «Скорой помощи», наши охранники. Я всех не запомнила. Федора Григорьевича я увидела не сразу. Меня не пускали в комнату, пока там работали ваши эксперты. А потом мы вошли вместе с Олегом. Он тоже приехал, и мы вдвоем вошли в кабинет...

Она замолчала и посмотрела на Дронго.

– Не представляю, кто мог его убить, – призналась она, – Федор Григорьевич был прекрасным человеком. Он никому и никогда не сделал ничего плохого. Почему все так закончилось?

Зазвонил городской телефон. Трубка лежала рядом с Вероникой Андреевной на столе. Она взяла ее.

– Да, – сказала она скорбным голосом, – такой ужас, Валечка. Спасибо большое. Он вас так любил. Спасибо. Да, похороны в понедельник. Нет, нет. Спасибо. Я тебе потом все расскажу. Да, сердце, да, да. Неожиданно. Инфаркт. Извини меня. Да, спасибо.

Она убрала трубку.

– Я отключила свой мобильный, – извиняющимся тоном сказала она. – Говорят, что по телевидению передали сообщение о смерти Федора Григорьевича, и теперь все пытаются дозвониться. Хорошо, что телефон на даче мы поменяли два месяца назад и не все знают наш новый номер. Иначе нам не дали бы поговорить.

Потапов понимающе кивнул.

– В последние дни в поведении Федора Григорьевича вы не заметили ничего необычного? – спросил Дронго. – Может, вы замечали, что он нервничает? Или что-то еще?

– Меня об этом уже спрашивали, – спокойно сказала она, – нет, конечно. Следовательно почему-то думают, что он мог застрелиться. Но у него не было пистолета. И зачем ему стреляться? Нет, нет. Я знаю: его убили из-за этой дурацкой коллекции монет. Кто-то, узнав про эти монеты, сумел незаметно проникнуть на дачу.

Зазвонил мобильный телефон Числова. Тот, извинившись, достал аппарат и вышел из гостиной. И почти сразу, заглянув снова, вызвал Гумарова. Оба сотрудника службы охраны вышли из гостиной. Перед тем как выйти из комнаты, Гумаров что-то прошептал Потапову, и тот согласно кивнул. После ухода сотрудников охраны обстановка стала несколько спокойнее,

словно спало некое напряжение. Такое количество чужих в доме явно действовало на психику и Вероники Андреевны, и Олега Глушкова.

– Как вы думаете, кто мог знать про эту коллекцию? – спросил Дронго.

– Кто угодно, – удивилась она. – Федор Григорьевич был открытым, доброжелательным человеком. Он ничего не скрывал от людей. У нас в доме всегда было много гостей...

Олег дернул ногой, и Вероника Андреевна заметила этот жест.

– Да, – с вызовом сказала она, – у нас всегда было много друзей. И мы не видели в этом ничего плохого. Но я не могу никого подозревать. Среди наших знакомых были только порядочные люди. Хотя сейчас все изменилось. Никто не знает, кого сейчас можно считать порядочным человеком.

Олег нахмурился, но не стал возражать. В присутствии мачехи он держался гораздо более скованно, чем можно было ожидать от мужчины его возраста.

– Никаких других ценных вещей в доме не было? – уточнил Дронго.

– Откуда? – улынулась Вероника Андреевна. – Откуда у нас могли быть ценные вещи? Нужно было знать академика Глушкова. Он был абсолютный бесребренник, никогда не копил денег, не пользовался своим служебным положением. Любой чиновник, который работал хотя бы один год в ранге заместителя министра, обогащался так, что хватало не только детям, но и внукам. Успевал приватизировать несколько заводов или хапнуть какое-нибудь предприятие. А Федор Григорьевич о таких вещах и не думал. Вы ведь помните, он был вице-премьером дважды. И всегда газеты писали о его высоких нравственных принципах. Он был очень честный человек, иногда даже в ущерб самому себе и своей семье...

– Думаю, что он был достаточно состоятельным человеком, чтобы обеспечить семью, – ядовито вставил Олег.

Он не договорил второй фразы, но все поняли, что он хотел сказать. «Достаточно состоятельным человеком, чтобы обеспечить капризы своей молодой жены», – хотел сказать сын погибшего. Очевидно, именно так и поняла его выпад Вероника Андреевна. Нахмурившись, она неприязненно взглянула на Олега.

– Я не жалею, – нервно произнесла она, – я просто рассказываю, каким честным и порядочным человеком был твой отец.

Она потянулась и взяла еще одну сигарету. Числова в комнате не было, а среди присутствующих мужчин никто не курил. Вероника Андреевна с вызовом взглянула на Олега, рядом с которым лежала зажигалка. Молчание длилось несколько секунд, затем Олег протянул руку, взял зажигалку и передал ее мачехе.

Фыркнув от подобной «галантности», она щелкнула зажигалкой. Вновь раздался телефонный звонок. Она взяла трубку, успев придать лицу соответствующее скорбное выражение.

– Слушаю вас, – произнесла она голосом безутешной вдовы. – Кто это говорит? – Неожиданно голос у нее изменился. – Да, это я. Он еще здесь. Сейчас я передам ему трубку. Спасибо. Я знаю, как ты нас любишь, – язвительно произнесла она и протянула трубку Олегу. – Твоя жена, – сообщила она покрасневшему пасынку. Тот, порывисто вскочив, взял трубку.

– Что случилось? – спросил он, поправляя очки.

– Когда ты приедешь? – раздался из трубки женский голос, достаточно громкий, чтобы его мог услышать сидящий рядом Дронго. – Чего ты сидишь там с этой дрянью?

– Извини, Танечка, мы сейчас заняты, – попытался успокоить супругу Олег.

Очевидно, его жена не питала родственных чувств к мачехе своего мужа.

– Чем ты занят? – продолжала бушевать его супруга.

Она все еще кричала, когда Олег, извинившись, вышел из гостиной.

– Его жена – истеричка, – сообщила довольная разыгравшейся сценой Вероника Андреевна. – Поэтому он такой затюканный. Мать женила его на дочери своей подруги. И вместе они добились его окончательно. Федор Григорьевич никогда не одобрял этого выбора.

– Его мать жива? – спросил Дронго.

– Нет, – ответила Вероника Андреевна. – Она работала главным врачом больницы. Говорят, это была такая властная женщина, что убивала вокруг себя даже микробы. Но она умерла десять лет назад. Как раз успев женить своего сыночка на дочери подруги. Наверное, торопилась его окольцевать, – жестоко предположила она, – знала, какой он никчемный. А через два года мы встретились с Федором Григорьевичем.

– Сколько лет вы прожили вместе?

– Официально шесть. Но первые два года мы встречались, не особо афишируя наши отношения.

– Вы были замужем?

– Это имеет отношение к смерти Федора Григорьевича? – удивилась она и пожала плечами. – Да, я была замужем. Дважды. И оба раза неудачно. Федор Григорьевич был моим третьим мужем. А я его вторая жена. Люди иногда долго ищут, прежде чем находят свою недостающую половину. Вам так не кажется?

– Наверное, – улыбнулся Дронго. – Извините меня, что я задаю такие нетактичные вопросы. У вас хорошие отношения с бывшими мужьями?

– Вы думаете, что кто-то из них перелез через забор, забрался в дом и убил Федора Григорьевича? – усмехнулась она. – Ну это чистая фантастика. Мой первый муж сидит в тюрьме, отбывая срок за хищение государственных средств в особо крупных размерах. Ему сидеть еще несколько лет. А второй муж находится сейчас в Чехии, он бизнесмен и ведет дела с чешскими предприятиями. Как видите, у моих мужей абсолютное алиби. Так, кажется, говорят ваши коллеги?

– Правильно, – подтвердил он, чтобы не раздражать женщину, и без того находящуюся в истерически-возбужденном состоянии.

– Извините, что спрашиваю, – продолжал Дронго, – а какие отношения были у вас с соседями?

Вероника Андреевна чуть нахмурилась. По лицу пробежала легкая тень. Затем она немного нервно ответила:

– У нас со всеми были прекрасные отношения. Почему вы спрашиваете?

– Мне нужно поговорить и с ними. Может, кто-то видел, как к вашему дому подходил неизвестный.

– Они вам ничего не скажут, – сразу огорчила его Вероника Андреевна. – И потом, вы, очевидно, не совсем понимаете, куда приехали. Здесь живут члены правительства и руководители государственных учреждений. Здесь не притон, где обитают воры или бандиты...

– Не сомневаюсь, – вежливо согласился Дронго, – но мне важно знать, какие отношения были у вас с вашими соседями.

– Самые дружеские. Академик Перельман – коллега моего мужа по академии. Лопатин и Романовский – слишком занятые люди, поэтому не могли часто у нас бывать. Хотя Всеволод Витальевич несколько раз приходил. Они говорили о своих монетах. Лопатин тоже заходил один или два раза. Он вообще многим обязан Федору Григорьевичу. Мы близко дружим с его супругой – Нелличкой. Мы здесь часто остаемся одни, без мужей, которые безумно заняты на работе. Поэтому мы сблизились с Нелли Лопатиной.

Она тяжело вздохнула:

– У всех жен одна и та же история. Мы вынуждены сидеть дома, пока наши мужья занимают свои высокие посты. Устроиться на работу в нашем положении почти невозможно: вся страна знает о наших мужьях, и мы не сможем сохранить инкогнито. Кроме того, мы обязаны обеспечивать семейный уют и нормальную обстановку в доме. Я не жалею, только рассказываю вам, как трудно было соответствовать высокому статусу супруги академика Глушкова.

– Кроме Лопатиных и Романовских, рядом с вами живет семья академика Перельмана, – напомнил Дронго. – Он коллега вашего мужа по академии.

– Да. Но из его семьи мы видели чаще всего его дочку, – в голосе Вероники Андреевны прозвучало плохо скрытое недовольство. – Эта особа училась с детьми Федора Григорьевича и считала себя чуть ли не членом его семьи. Такая молодая и очень бойкая. Вообще я считаю, что на дачу люди приезжают отдыхать, а не принимать гостей. Вы со мной не согласны?

Очевидно, она успела запомнить, что только что рассказывала о том, что в доме Глушкова всегда было много гостей. «Типичная оговорка по Фрейду, – подумал Дронго. – С одной стороны, Глушков был очень известен, и к нему наверняка тянулись люди. С другой, его новая жена пыталась всячески оградить его от старых знакомств, резонно полагая, что они вызывают и старые воспоминания». Дронго не успел ничего ответить, когда в гостиную вошел Олег. Он протянул трубку мачехе:

– Это академик Архипов. Он хочет поговорить с вами.

Взяв трубку, она снова придала лицу скорбное выражение. Женщина явно обладала неплохими актерскими данными. Ее уверенное и насмешливое выражение лица сменилось на скорбную мину безутешной вдовы.

– Здравствуйте, Сергей Алексеевич, – простонала Вероника Андреевна.

Олег отвернулся, его, видимо, раздражала подобная манера поведения мачехи.

– Такое горе, – дрогнувшим голосом продолжала она. – Да, вчера вечером. Не совсем сердце. Я вам потом все расскажу. Да, да, конечно. Нет, похороны в понедельник. Говорят, что будет сам президент, – не удержалась она от тщеславного выпада.

Олег взглянул на Потапова.

– Я вам не нужен? – спросил он. – Можно мне уехать? За Вероникой Андреевной уже приехал ее водитель.

Потапов взглянул на Дронго.

– У вас есть машина? – спросил Дронго.

– Да, – несколько удивленно произнес Олег. – Вас подбросить до города?

– Чтобы вас не задерживать, я бы хотел поехать с вами в город и заодно поговорить. Это звонила ваша супруга?

Олег чуть покраснел.

– Я могу остаться, – сказал он более решительно.

– Не обязательно, – возразил Дронго. – Я думаю, мы скоро закончим разговор с Вероникой Андреевной.

Он отметил, что вдова разговаривала с академиком Архиповым, давним знакомым самого Дронго. Но об этом здесь не стоило говорить. Олег сел на прежнее место, ожидая окончания разговора.

Когда Вероника Андреевна, закончив разговор, положила трубку на стол, у нее было прежнее спокойное выражение лица.

– Все равно в покое не оставят, – произнесла она, вздыхая. – Представляю, что творится у нас дома.

– Ваш водитель приехал, – сообщил Олег.

– Спасибо, – равнодушно ответила она.

– У вас свой водитель? – уточнил Дронго.

– Да, конечно. У Федора Григорьевича был свой водитель – из его института, он работал с ним много лет. А мой водитель получает зарплату только у нас и работает со мной.

– Ясно. У меня к вам последний вопрос. У вас не было никаких размолвок с вашими соседями по даче? Может, какие-то споры, конфликты, недоразумения?

– Что вы, – грустно улыбнулась она, – наши соседи – чудесные люди. Даже слишком чудесные. Если вы думаете, что кто-то из них мог совершить подобное...

– Спасибо, – сказал Дронго. – Вы извините, что мы вас задержали.

Мужчины поднялись.

– Я поеду в город, – сообщил Олег мачехе, – Алла утром прилетает из Стокгольма.

– Она мне звонила, – коротко ответила Вероника Андреевна.

Она попрощалась, и в этот момент снова зазвонил городской телефон. Потапов понимающе вздохнул:

– Он был слишком известным человеком.

Дронго подошел к входной двери. Если ее захлопнуть, замок автоматически закроется. Здесь же было еще два замка, один из которых можно было закрыть только изнутри. Дронго внимательно осмотрел все запоры.

– Эксперты ФСБ уже работали, – сказал ему Потапов, – замки никто не трогал. Стекло выбито на кухне. Здесь нет никаких других следов. Мы даже вызывали кинолога с собакой. Но здесь так натоптано и утром бывает столько машин, что собака не смогла взять след.

Они вышли из дома. Олег, натягивая куртку, поспешил следом.

– Архипов, – негромко напомнил Вейдеманис, – это тот самый академик?

– Да, – тихо ответил Дронго, – надеюсь, что завтра я смогу с ним побеседовать. Пусть Потапов отвезет тебя в город, а я поеду с Олегом.

– Это верное решение, – согласился Эдгар. – Он сильно закомплексован, и тебе лучше поговорить с ним без свидетелей. До свидания. Если я буду нужен, можешь мне позвонить.

Дронго кивнул Потапову.

– Завтра суббота, – напомнил он, – и у нас с вами очень плотный график. Нужно будет побеседовать с некоторыми интересующими меня людьми. Дайте мне номер вашего мобильного телефона.

Потапов назвал номер, уверенный, что Дронго наверняка запомнит все семь цифр. Дронго повторил номер и запомнил:

– Жду вас утром, в десять часов. До свидания.

Подходя к машине Олега, он обратил внимание на серую «Ауди», стоявшую рядом с домом. В роскошном салоне автомобиля сидел молодой водитель и дремал в ожидании хозяйки.

«Для „бессребреника“ машина слишком хороша», – подумал Дронго, усаживаясь в синий «Пежо» Глушкова-младшего.

Глава 3

Автомобиль выехал за ворота. Охранники внимательно оглядели обоих мужчин, выезжавших из дачного поселка. Вместо одного охранника, как это было обычно, у ворот стояло несколько человек. Числов, узнав Дронго, кивнул ему и приказал пропустить машину. Дронго оглянулся. Следом за ними выезжал темный «Ниссан». Когда они выехали наконец на трассу, Дронго спросил:

– Алла – ваша старшая сестра?

– Да, – ответил Олег, – она работает в Стокгольме, в представительстве нашей внешне-торговой компании. Они с мужем живут там уже два года.

– У вас с ней хорошие отношения?

– Нормальные, – ответил Глушков.

– А с мачехой?

«Нельзя задавать ему подобные вопросы», – подумал Дронго, когда машина чуть вильнула в сторону. Олег реагировал слишком нервно.

– Тоже нормальные, – сказал он несколько напряженным голосом.

– Вы были против женитьбы вашего отца?

Олег посмотрел на него.

– Смотрите на дорогу, – посоветовал Дронго.

– Да, – сказал Олег, – мы были против. И я, и сестра. Отцу было уже за пятьдесят, когда он встретил Веронику Андреевну. Вы, наверное, знаете, что у нее было два неудачных замужества. Первый муж попал в тюрьму, второй сбежал в Чехию. Это вам о чем-нибудь говорит?

– О ее сложной судьбе.

– Вы смеетесь? – мрачно осведомился Олег. – Неужели вы ничего не понимаете? Отец уже тогда был известным человеком. Вице-премьер правительства, академик, профессор, директор института. Вы слышали, как она говорила о своей жизни? Еще смеет утверждать, что ей ничего не досталось. Все деньги отца, все его связи, знакомства, ценности – все теперь достанется этой особе... Скажите, а как делится наследство, вы не в курсе? Вы ведь, видимо, юрист по образованию?

– Боюсь, что не смогу вас обрадовать, – признался Дронго. – Насколько я помню наследственное право, вам вряд ли что-нибудь перепадет от наследства отца. Если нет завещания, то все имущество делится между супругой и несовершеннолетними детьми, которые считаются наследниками первой очереди. При этом раньше половина наследства отходила супруге, а вторую половину делили между женой и детьми...

– Значит, выходит, что жена получает больше половины? – Олег был явно раздражен. Видимо, этот вопрос волновал его больше других. – А если она нигде не работает?

– Мне представляется это правильным, – заметил Дронго. – Ведь совместно нажитое имущество делится между супругами независимо от того, кто из них работает. Половина наследства – это ее законная доля. А оставшаяся половина делится между другими наследниками. Но должен вас огорчить. Вам ничего не достанется в любом случае. Совершеннолетние дети не являются бесспорными наследниками. И все имущество вашего отца отойдет Веронике Андреевне, если нет нотариально заверенного завещания.

– Мы подадим в суд, – покрылся красными пятнами Олег. – Так нельзя! Это неправильно, нечестно.

– Обсудите этот вопрос со своими адвокатами, – посоветовал Дронго. – Когда в последний раз вы разговаривали с отцом?

– Что? – переспросил Олег.

Он, очевидно, был еще занят мыслями о наследстве.

– Когда в последний раз вы разговаривали с отцом? – терпеливо переспросил Дронго.

– Вчера... Нет, позавчера.

Олег смутился, поправил очки. Было заметно, что он нервничает.

– Вы не могли бы вспомнить точнее? – настойчиво попросил Дронго, не сводя тяжелого взгляда с собеседника.

Олег покачал головой.

– Вчера, – тяжело вздохнул он, – вчера вечером. Только сотрудникам прокуратуры я сказал, что разговаривал позавчера. Испугался и почему-то соврал.

Дронго рассчитал правильно. Глушкову-младшему было трудно одновременно вести машину, размышлять о возможном наследстве и отвечать на вопросы, пытаясь при этом соврать.

– Почему вы их обманули? – строго спросил Дронго.

– Не хотел им ничего рассказывать, – признался Олег. – Мы вчера поспорили с отцом. Даже не поспорили... Ему не нравились мои планы. Ну, в общем, он их не одобрял. А мне нужны были деньги. И я попросил его меня поддержать. Но он отказал. Вот, собственно, и все.

– Какие планы? – спросил Дронго.

– Мы закупаем продукты, – пояснил Олег. – Вкладываем деньги и вместе с друзьями закупаем продукты в Германии и Польше. А потом ввозим их в страну.

– И почему он был против? Насколько я знаю, академик Глушков был ярким рыночником.

– Не знаю. Но ему не нравился наш бизнес. И он мне об этом часто говорил.

– В котором часу вы с ним разговаривали?

– Примерно в восемь – в половине девятого. Он сказал, что не хочет меня слушать, и положил трубку. Больше мы с ним не общались. Сейчас даже вспоминать не хочется, так обидно. Как вы думаете, а личные вещи нашей матери тоже достанутся этой женщине?

– Вас это волнует больше всего, – заметил Дронго.

– Мне обидно, что все достанется ей. Вы ведь понимаете, что она его совсем не любила. После смерти матери он чувствовал себя одиноким, и она воспользовалась обстоятельствами. Ему было чуть больше пятидесяти...

– Тогда вам нужно винить только себя, – строго сказал Дронго. – Не нужно было оставлять его одного. Ваша сестра и вы могли быть более внимательными к своему отцу.

– Вы ничего не знаете, – вздохнул Олег. – Это был очень сложный человек.

– У него были враги?

– Думаю, были. Некоторые его очень резко критиковали. И когда он первый раз был в правительстве, и потом, когда согласился на второй срок. Шутил, что стал «рецидивистом» в правительстве, согласившись на «второй срок». Но тогда он ушел из правительства довольно быстро. Как раз перед дефолтом. Он сам подал прошение об отставке. Тогда все газеты об этом писали и очень его критиковали. А через несколько месяцев выяснилось, что он был прав.

– Из-за этого его вряд ли могли убить. А не было ли это самоубийством? Как вы думаете, он мог покончить с собой?

– Нет, – ответил Олег, – ни в коем случае. Когда вчера вечером мы с ним разговаривали, я бы обязательно что-то почувствовал. Нет-нет. Это было убийство... А вы так не считаете?

– Пока не знаю, – признался Дронго. – Он был выше вас ростом?

– Да. Он был крупным мужчиной.

– В таком случае убийца очень рисковал, подходя так близко к вашему отцу. Или, может быть, убийцей был кто-то из ваших знакомых?

– Среди наших знакомых нет таких людей, – сказал Олег, краснея и нервно поправляя очки.

– У него был пистолет?

– Вы тоже допускаете, что он мог застрелиться? – Олег нахмурился. – Все ищут пистолет, как будто оружие стреляет само по себе. Искать нужно убийцу, который выстрелил из пистолета. Но у моего отца никогда не было такого оружия. У нас есть два ружья, они находятся дома, и, насколько я знаю, он уже года три ими не пользовался. Хотя раньше часто ездил на охоту. Но пистолета у него никогда не было. Это абсолютно точно.

– У вас были сложные отношения с мачехой? Извините, что я вас спрашиваю, но мне нужно понять обстановку внутри вашей семьи.

– Непростые, – признался Олег. – Мы ее не очень принимали. И поэтому и я, и сестра редко приезжали в Жуковку. Правда, и Вероника Андреевна не очень любила здесь появляться. Ее почему-то оскорбляла обстановка государственной дачи. Она считала, что отец должен иметь собственную дачу. Но свою дачу он отдал мне, когда решил переехать в Жуковку. Еще во время своего первого назначения. А дачу за ним сохранили – он ведь был академиком. И потом, ему здесь было гораздо удобнее. По понедельникам сюда приезжала домработница, которая готовила еду и убирала дачу.

– Точно по понедельникам? – встрепнулся Дронго.

– Насколько я знаю, нет. Они договаривались, когда ей нужно было приехать. Меня уже спрашивали об этом сотрудники прокуратуры. Вчера ее здесь не было. Обычно она приезжала на машине моего отца. На его служебной машине. Утром приезжала и оставалась на весь день. Готовила еду, мыла, убирала, чистила, а вечером возвращалась в город. По другим дням она работала у нас дома. Вернее, в доме моего отца.

– У него большая квартира в городе?

– Да, конечно. Мы жили на Кутузовском. Пять комнат, общая площадь больше ста восьмидесяти метров. Мы выросли в этом доме. Он ведь стал академиком в сорок три года, а квартиру мы получили, когда он был членом-корреспондентом. Тогда сам Келдыш за него хлопотал, поэтому нам и дали такую роскошную квартиру. Кажется, мы переехали туда лет двадцать назад.

– Они жили там вдвоем?

– С Вероникой Андреевной, – подтвердил Олег, – но она не сразу к нему переехала. Вернее, не так. Он не сразу ее к себе пустил. Несколько лет они встречались в других местах, приезжали сюда. Тогда она ничего не имела против его дачи в Жуковке, – ядовито заметил Глушков-младший. – Это сейчас ей захотелось чего-нибудь другого. А тогда она лишь мечтала увидеть нашу квартиру.

– У нее есть свои дети?

– Есть, конечно. Дочь от второго брака. Ей сейчас двадцать два года, она живет в Америке. По-моему, в Детройте. Успела выйти замуж и уехать в Америку. В общем, такая же деловая, как и ее мамаша. Извините, я иногда бываю слишком категоричен, но вы понимаете, в каком я состоянии.

Дронго промолчал. Он не стал соглашаться с Глушковым-младшим. Но и не стал возражать. Машина въехала в город.

– Куда вас отвезти? – спросил Олег.

Дронго назвал адрес. Олег кивнул и увеличил скорость.

– Наверное, жена уже волнуется, – невесело заметил он.

– У вас нет с собой мобильного телефона? – повернулся к нему Дронго.

– Батарейки сели, не успел зарядить, – пояснил Олег, – поэтому жена позвонила на городской. Обычно она звонит на мобильник, чтобы не разговаривать с Вероникой Андреевной. У них взаимная антипатия.

– Вчера вечером вы позвонили отцу или он вам?

– Неужели это так важно? Кажется, я звонил. Или он? Я точно не помню...

– И все-таки, кто именно позвонил?

– Я позвонил, – признался Олег.

– Вы видели его коллекцию монет?

– Конечно, видел. О его коллекции был даже специальный репортаж по телевидению. Говорили, что некоторые монеты уникальны и не имеют аналогов в мире. Он собирал эту коллекцию всю жизнь.

– Значит, о его коллекции знало много людей.

– Все знали. Он и не скрывал, очень гордился, часто показывал гостям, друзьям.

– Он был членом какого-нибудь клуба нумизматов?

– По-моему, да. Иногда он встречался с коллекционерами. Кстати, один из них жил рядом с нами. Наш сосед Романовский Всеволод Витальевич. Он такой же страстный коллекционер.

– Романовский? – переспросил немного растерянно Дронго. – Заместитель министра иностранных дел?

– Да, – кивнул Олег. – Он часто навещал отца, и они вместе обсуждали новые приобретения.

– Рядом с дачей вашего отца есть еще три дачи, – задумчиво произнес Дронго. – Вы знаете соседей, которые там жили?

– Там живут только очень известные люди, – удивился Олег. – Один из них вице-президент Академии наук. Сам Абрам Моисеевич Перельман. Мы знаем друг друга много лет. Его младшая дочь училась вместе с Аллой в одном классе. Ему лет семьдесят или около того. А руководителя таможенной службы часто показывают по телевизору. Лопатин Михаил Николаевич. Он теперь прямо-таки телезвезда. Ни одна презентация не обходится без него. Вы, наверное, его видели.

– Может быть, – кивнул Дронго. – У Романовского большая семья?

– Нет. Старший сын – дипломат, работает в Австрии. Второй сын, кажется, живет в Ленинграде. Сам Всеволод Витальевич живет на даче со своей супругой. Они часто встречались с отцом. Но сейчас его жена болеет, и он остается один.

– Перельман?

– Да. У него трое детей: двое сыновей и дочь. Старший сын – известный физик, доктор наук, профессор. Второй – музыкант, преподает в консерватории. Тоже профессор. А дочь – филолог, кажется, специалист по германской литературе. Мать у них украинка. Отец всегда ставил нам в пример семью Абрама Моисеевича. Они живут большой дружной семьей. У каждого из сыновей по двое детей. И еще мальчик у Алины. Она – поздний ребенок, родилась, когда старшим было пятнадцать и тринадцать лет.

– Она замужем?

– Нет, разведена. – Олег улыбнулся. – Возможно, это единственная неудача семьи Перельман. Хотя ее муж учился вместе с ней. Они были одноклассниками, сидели за одной партой. Поэтому моя сестра знала их обоих.

– А новый главный таможенник?

– Он недавно к нам переехал. У него молодая, очень эффектная супруга. Очевидно, она действует на нервы моей мачехе, когда появляется в нашем доме. С Вероникой вообще трудно ужиться кому бы то ни было. Я всегда удивлялся, почему отец выбрал именно ее. Вокруг него всегда было столько красивых и умных женщин. Хотя признаюсь, что в последние годы я мало появлялся на даче отца.

– У вас есть дети?

– Есть. Близнецы. Двое мальчиков, – не без гордости сообщил Олег. – А какое это имеет отношение к убийству моего отца?

– Мне нужно собрать полную информацию, – пояснил Дронго. – А у вашей сестры?

– Нет. Они бездетны. Только не спрашивайте меня почему. Кажется, Алла сама не хотела иметь детей. Когда она приедет, можете спросить у нее.

– У вас хорошие отношения с сестрой?

– Нормальные, – усмехнулся Олег, – во всяком случае, мы терпимо относимся друг к другу. Кажется, мы подъехали к вашему дому. У вас есть еще вопросы?

– Только один, последний. Как вы думаете, ваш отец был состоятельным человеком?

– По нынешним временам не очень. У него все было. Дом, дача, государственная дача, две машины, даже эта коллекция. Но назвать его очень богатым человеком я бы не смог. Вы же знаете, какие сейчас времена. Некоторые наши соседи имеют на своих счетах сотни миллионов долларов. В другом конце поселка живет вице-президент нефтяной компании, который получает официальную зарплату в сто пятьдесят тысяч долларов. До прошлого года президент США получал не более двухсот в год. Вот вам и разница.

– Насколько я понял, вы хотели, чтобы отец помог вам деньгами. Если у него не было денег, то откуда он должен был их взять?

– Я не сказал, что он был бедным человеком, – возразил Олег. – Вы спрашивали о «состоянии». В моем понимании, люди «состоятельные» – это наши олигархи, у которых сотни миллионов долларов. А у отца, возможно, было несколько миллионов долларов, если собрать всю его недвижимость и подсчитать. Но наличных было не так много. Может, шестьсот тысяч. Или семьсот. У него были счета, кажется, в австрийском банке и в нашем. Но точно не знаю. И еще эта коллекция монет.

– У каждого человека свои представления о богатстве. Как и о счастье, – прокомментировал Дронго.

– Что? – не понял Олег.

– Ничего. Спасибо. Вы мне очень помогли. И примите еще раз мои соболезнования.

Дронго вышел из машины, оглянулся. И сразу нахмурился. Он узнал автомобиль, который выехал за ними, когда они миновали ворота дачного поселка. Тот самый темный «Ниссан». Поверить в случайность он не имел права. Для этого нужно быть слишком наивным человеком. А он таким никогда не был. Дронго взглянул на отъезжавший «Пежо». В ночной темноте Олег Глушков мог не заметить автомобиля, который следовал за ними. В машине было двое мужчин, которые не особенно скрывали свое присутствие. Оба незнакомца внимательно смотрели на Дронго.

Он усмехнулся и, помахав им рукой, направился к дому. Зачем нужны все его аналитические изыски, если можно найти обычных агентов и пустить по его следу. Или пристрелить известного человека, чтобы доказать никчемность охранного управления. Ради того, чтобы получить полный контроль над деятельностью всей службы охраны, в ФСБ вполне могли решиться на подобное преступление. Учитывая, что новый президент лично знал погибшего и сам был из органов ФСБ. Один выстрел – и все проблемы решены. Можно вернуть службу охраны, восстановив знаменитое девятое управление КГБ, когда-то занимавшееся охраной высших должностных лиц. Только один выстрел...

Дронго вошел в дом, поднялся на свой этаж. Едва он открыл дверь и включил свет, как раздался телефонный звонок. Он взглянул на часы. Скоро полночь. Интересно, кому это не спится? Не дожидаясь, пока включится автоответчик, он подошел к аппарату и поднял трубку.

– Слушаю вас, – сказал Дронго.

Глава 4

– Добрый вечер, – раздался знакомый голос.

Дронго нахмурился. Голос был очень знаком. Если учесть, что сегодня утром у него в гостях был генерал Потапов и автомобиль с наблюдателями ехал за ним от самой Жуковки, то искать нужно было среди круга лиц, которые могли позвонить ему так поздно ночью и именно сегодня.

– Здравствуйте, – ответил Дронго, перебирая в памяти знакомые голоса и имена.

– Мне показалось, что будет лучше, если я сам вам позвоню, господин Дронго, – явно наслаждаясь ситуацией, сказал незнакомец.

И тогда Дронго вспомнил. Несколько лет назад в Сибири, в поселке Чогунаш, они были вместе. Вдвоем. Он вспомнил этот самоуверенный голос. И эти нотки скрытого садизма. Он узнал позвонившего.

– Я не думал, Николай Александрович, что вы решитесь сами мне позвонить, – сказал Дронго.

– Вы меня узнали? – поразился позвонивший. – У вас хорошая память, Дронго. Я не думал, что вы меня так быстро вспомните.

– Если знать, откуда я приехал и кого убили на даче в Жуковке, то можно лишь гадать, почему вы не позвонили раньше, генерал Земсков.

Николай Александрович Земсков был одним из немногих генералов ФСБ, кто уцелел в кадровых чистках конца века. Всю свою жизнь он проработал в контрразведке и, несмотря на свой почти «критический» возраст, собирался работать в ФСБ до того момента, пока не уйдет на пенсию. У него был сложный характер, но опыт и мастерство профессионала позволяли ему компенсировать недостаток проницательности и аналитического мастерства.

– Вы все правильно поняли, – буркнул Земсков, – это не совсем обычное убийство, господин Дронго. Академик был очень известным человеком. Возможно, что против него действовали террористы. И это политическая акция. Или неизвестные нам силы, пытающиеся дестабилизировать обстановку. Хотя мы допускаем, что это мог быть и грабеж, ведь с дачи пропала уникальная коллекция монет. Как бы там ни было, мы собираемся проводить собственное расследование. Я думаю, вы понимаете, что служба охраны, допустившая подобный промах, делает все, чтобы оправдаться. Но убийство произошло, а неизвестный грабитель ушел незамеченным. И совсем необязательно, чтобы вы занимались собственным расследованием. Это ничего вам не даст.

– Ваши слова я должен воспринимать как совет или приказ? – поинтересовался Дронго, ослабляя узел галстука.

– Как вам больше нравится, – ответил Земсков. – Как только мне доложили, куда поехал Леонид Александрович, я сразу понял, что он решил по старой дружбе навестить именно вас.

– А вы по «старой дружбе» решили мне позвонить? – поинтересовался Дронго. – Это ваши люди провожали меня от поселка до дома?

– Вы же умный человек, – усмехнулся Земсков. – Или вы думаете, что это была охрана Потапова?

– Не понятно, почему вы так волнуетесь? Если похитили коллекцию монет, то это существенный прокол службы охраны. Или вы действительно хотите, чтобы их служба перешла под ваш полный контроль?

– Эти глупости рассказал вам Потапов? – осведомился Земсков. – Он, кажется, забыл, что работал у нас, перед тем как уйти в службу охраны. И еще он забыл, что перебежчиков не любят нигде. В том числе и в службе охраны.

– Вы считаете свои ведомства воюющими организациями? – спросил Дронго. – И вы уже применяете военные термины? У вас расстреливают предателей? Или вы их вешаете согласно законам военного времени?

С Дронго было трудно разговаривать. Кроме логики, ему была присуща ирония. Любой разговор он превращал в насмешку над чересчур серьезным собеседником.

– Поступайте, как знаете, – у Земскова пропал всякий интерес к разговору. – Считайте, что я вас предупредил. Расследование убийства ведет прокуратура. Мы проводим собственную разработку. И я не думаю, что мы нуждаемся в вашей помощи.

– Вы попытаетесь мне помешать? – добил генерала последним вопросом Дронго.

– До свидания, – генерал бросил трубку. Похоже, он был взбешен.

Дронго положил трубку, улыбнулся и пошел переодеваться. Через некоторое время, когда он стоял под горячей струей душа, снова зазвонил телефон. Он прислушался. Включился автоответчик, но из ванной было не слышно, кто именно звонил. Выключив воду, Дронго услышал голос Потапова:

– Возьмите трубку, я знаю, что вы уже дома.

Пришлось босиком идти в соседнюю комнату. Войдя в спальню, он взял трубку и поздоровался с Потаповым.

– Вы уже говорили с Олегом? – поинтересовался Потапов.

– И не только с ним, – ответил Дронго.

– В каком смысле? – насторожился Потапов.

– Звонил ваш бывший коллега. Николай Александрович, – пояснил Дронго. – Он советовал мне прекратить расследование...

Раздались короткие гудки. Дронго усмехнулся. Он достал аппарат мобильной связи и набрал номер Потапова.

– Враги не дают нам разговаривать, – насмешливо заметил Дронго. – Думаю, что мой телефон прослушивается. Земсков советовал мне отказаться от расследования.

– Сукин сын! – вскипел Потапов. – Они всегда так делают. И сами не работают, и другим не дают. Хотят все свалить на нашу службу. У них всегда виноваты другие. Милиция, военные, служба охраны – кто угодно, только не они...

– Кажется, совсем недавно вы были на другой стороне, – напомнил Дронго.

– Я и тогда так думал, – огрызнулся Потапов, – а сейчас тем более. Мы не знаем, что случилось на даче Глушкова, но в любом случае наши охранники никого не пропускали. За это мы отвечаем. А если какой-то ненормальный сумел перелезть через забор и оказаться в поселке, то это несчастный случай, а не халатность наших сотрудников. Вы слышали: даже в Букингемском дворце однажды оказался посторонний, которого не заметила охрана.

– Эту историю вы расскажете президенту, когда он вернется? – поинтересовался Дронго.

– Нет, не расскажу. Я надеюсь, что в понедельник днем мы уже будем знать имя настоящего убийцы. Настоящего, Дронго! Я убежден, что вы сумеете его найти.

– Постараюсь, – пробормотал Дронго. – Мне нужно к завтрашнему утру поговорить с заместителями Глушкова и его секретарем. Я думаю, это несложно.

– Завтра суббота, – напомнил Потапов, – у них нерабочий день.

– Завтра они все будут в институте, – возразил Дронго. – По всем каналам уже несколько раз передали сообщение о внезапной смерти академика Глушкова. Завтра они обязательно приедут в институт. Хотя бы для организации похорон своего директора.

– Верно, – нехотя согласился Потапов. – Что еще?

– И еще досье на всех трех соседей Глушкова: Романовского, Лопатина и Перельмана. Успеете до утра?

– Разумеется, нет. К вечеру постараемся все сделать, – рассудительно ответил Потапов. – Вы же понимаете, что речь идет не об обычных людях.

– Во всяком случае, постарайтесь, – посоветовал Дронго, – и учтите, что я должен поговорить с каждым из них.

– Вы понимаете, кто эти люди? – не отступал Потапов. – Один – министр, другой – заместитель министра, а третий – академик с мировым именем. Если хоть один из них пожалуется, меня выгонят и разжалуют. Вы это хорошо себе представляете?

– А вы можете предположить, что мое расследование убийства обойдется без этих встреч? – В голосе Дронго прозвучала досада. – Или вы считаете, что я обладаю парапсихическими способностями и могу читать мысли людей на расстоянии? Если так, то давайте закончим наше расследование прямо сейчас.

– Не нужно меня пугать, – мрачно посоветовал Потапов. – Я не думал, что Земсков так быстро вас вычислит. Это моя ошибка. Не нужно было отпускать вас вместе с сыном Глушкова. Они сразу все поняли.

– В понедельник будем горевать вместе. А пока постарайтесь организовать все, как договаривались. До свидания.

Попрощавшись, Потапов отключил телефон.

Дронго вернулся под душ. У него в запасе два дня. С одной стороны, это ничтожно мало. А с другой – много. Если правильно вести расследование, можно многое узнать. Утром нужно позвонить академику Архипову. Он звонил и передавал свои соболезнования супруге Глушкова. Значит, они были достаточно близки.

Каждое убийство несет в себе определенную загадку. Но лишь до тех пор, пока неизвестно имя убийцы. Или способ совершения преступления. Собственно, в любом расследовании важно узнать три составляющие преступления. Важно поставить три главных вопроса, из ответов на которые и состоит каждое преступление.

Первый и самый важный вопрос: кому выгодно убийство? Собственно, об этом писали еще древние римляне. Если правильно ответить на первый вопрос, то расследование пойдет по верному пути. Второй вопрос: кто мог совершить преступление? Не всегда ответ на первый вопрос совпадает со вторым. Иногда смерть определенного лица выгодна слишком многим, но лишь единицы способны на подобное преступление. И задача опытного профессионала – определить круг лиц, способных совершить преступление. Наконец, третий вопрос. Каким образом произошло преступление? Ведь среди подозреваемых могут быть люди, которые ни при каких обстоятельствах не могли оказаться в нужный момент рядом с местом совершения преступления. Три вопроса, на которые необходимо дать правильные ответы, чтобы найти убийцу. Вся проблема заключается лишь в том, что, поставив эти три вопроса, нужно правильно на них ответить. Иначе раскрыть преступление будет невозможно.

Дронго подумал вдруг, что он много раз сталкивался с этой сложной задачей. Много раз преступления волновали его совесть, заставляя искать виновных. Иногда он чувствовал в себе нечто необъяснимое. Какая-то неведомая внутренняя сила заставляла его вновь и вновь бросать вызов самому себе, доказывая, что Зло может и должно быть наказано. Он никогда не ощущал себя рыцарем, сражающимся на стороне Добра. Для этого он был слишком сложным человеком, слишком земным и грешным. Скорее, он чувствовал себя человеком, сражающимся на стороне Справедливости. Два понятия, о которых вечно мечтали люди, соединялись в его расследованиях и в самой его жизни – Свобода и Справедливость. Эти два лозунга были начертаны на скрижалях его судьбы и его расследований. Всю свою жизнь он оставался свободным человеком. И все свои расследования посвящал борьбе за Справедливость. Не за абстрактное Добро, которое не всегда совпадало с его понятием о справедливости, а за конкретных людей, которым он старался помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.